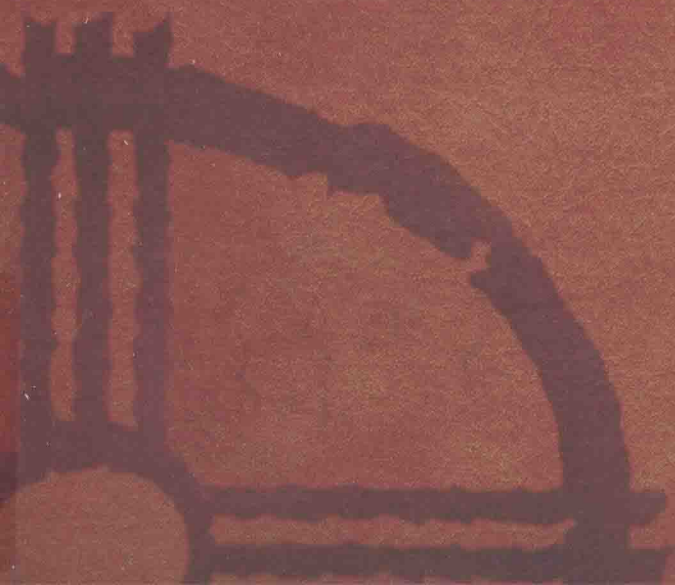

Мухтар Ауэзов

ПУТЬ АБАЯ

МУХТАР АУЭЗОВ

ПУТЬ АБАЯ

РОМАН-ЭПОПЕЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

ПЕРЕВОД АНАТОЛИЯ КИМА

УДК 821.512.122-03-161.1

ББК 84 (Каз – Рус) 7-44

А 93

*Выпущено по программе
«Издание социально важных видов литературы»
Комитета информации и архивов Министерства культуры
и информации Республики Казахстан*

Фонд Мухтара Ауэзова

Ауэзов М.

А 93 Путь Абая / Пер. А. Кима. – Алматы: ИД «Жибек
жолы», 2012.

Кн. 1. – 568 с.

ISBN 978-601-294-108-1

УДК 821.512.122-03-161.1

ББК 84 (Каз – Рус) 7-44

ISBN 978-601-294-108-1 (Кн. 1)

ISBN 978-601-294-107-4 (общ.)

© Фонд Мухтара Ауэзова, 2012

© ИД «Жибек жолы», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЗВРАЩЕНИЕ	3
В СМУТЕ.....	96
В ПУТИ	143
В ДЕБРЯХ.....	209
ПО ПРЕДГОРЬЯМ.....	285
НА ПОДЪЕМЕ	364
В ВЫШИНЕ.....	434

МУХТАР АУЭЗОВ

ПУТЬ АБАЯ

РОМАН-ЭПОПЕЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

ПЕРЕВОД АНАТОЛИЯ КИМА

**АЛМАТЫ
ИД «ЖИБЕК ЖОЛЫ»
2012**

此为试读, 需要完整PDF请访问: www.ertongbook.com

УДК 821.512.122-03-161.1

ББК 84 (Каз – Рус) 7-44

А 93

*Выпущено по программе
«Издание социально важных видов литературы»
Комитета информации и архивов Министерства культуры
и информации Республики Казахстан*

Фонд Мухтара Ауэзова

Ауэзов М.

А 93 Путь Абая / Пер. А. Кима. – Алматы: ИД «Жибек
жолы», 2012.

Кн. 1. – 568 с.

ISBN 978-601-294-108-1

УДК 821.512.122-03-161.1

ББК 84 (Каз – Рус) 7-44

ISBN 978-601-294-108-1 (Кн. 1)

ISBN 978-601-294-107-4 (общ.)

© Фонд Мухтара Ауэзова, 2012

© ИД «Жибек жолы», 2012

АБАЙ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

1

На третий день пути нетерпение вырвалось из сердца мальчика, неудержимо повлекло его вперед, и он сделал все, чтобы сегодня быть дома.

Предстоял последний световой переход, и мальчик с первыми лучами солнца поднял своих спутников. Сели на коней и выехали из Коряка на рассвете, и далее весь остаток пути он скакал впереди, на расстоянии полета стрелы.

Старшие его спутники, певец Байтас и Жумабай по прозвищу Жорга – Иноходец, едва поспевали за ним. Места с колодцами для стоянок – Кокуирим, Буратиген, Такырбулак – мальчик проскочил без остановок, на стремительном галопе, нахлестывая своего резвого саврасого коня. Принуждаемые к долгой езде без отдыха, Жорга-Жумабай и Байтас рысили бок о бок на своих лошадях и громко переговаривались.

– Апырай! Как же парнишка торопится в аул!

– Видать, за зиму изглодала до костей тоска по дому.

Пускаясь вскачь вслед за мальчиком, когда тот слишком удалялся, спутники с трудом нагоняли его. Жумабай под коленом зажимал черную дубинку-шокпар, в руке у Байтаса торчала боевая палка-соил, поставленная нижним концом на носок сапога, вдетого в стремя.

Приближаясь к стоянке Такырбулак, последней на пути, взрослые попытались поумерить рвение школяра.

– Ей, теперь не отрывайся от нас, парень! Ты слышал про овраги Есембая? Там в каждом логу сидят барымтачи! Разбойник на разбойнике! – постращал Байтас.

– Нас с тобою, жаным, они уже давно заприметили. Следят за нами и только и ждут, когда ты снова один поскачешь вперед, – добавил Жумабай. – Давай, мол, покрасуйся на своем скакуне, а потом свались прямо в руки к нам. Стукнут разок по голове, сшибут с седла и угонят твою лошадку, только и видали их!

– А вы на что? – задорно выкрикнул школяр. – Неужели так просто и отдадите меня разбойникам?

– Ойба-ай! Да нас всего двое! Что толку... – отвечал Байтас.

– Их же там не счесть! Разбойничьи гнезда свили на этом Есембае! Вольготно живут, никого не боятся! Место дурное, опасное. Хорошо, если в живых оставят, признав за родичей, – все нагонял страху Жумабай.

Но эти слова лишь подзадорили мальчика.

– Эй! Если от вас все равно толку мало, зачем вы мне? Поскачу один! – Он дал шенкелей лошади и снова умчался вперед.

Это произошло, когда миновали Такырбулак. До самого Есембаевского урочища мальчик не оглянулся назад. Уже еле видимый вдаль, продолжал устремляться вперед, безрассудный и одинокий.

Путь проходил размашистыми, покатыми увалами предгорья. После откочевки на джайлау, за перевалы Чингиза, края эти надолго оставались безлюдными. На холмистых высотах было немало укромных мест, откуда скрытым дозором далеко просматривались разбегающиеся дороги. Вдоль этих дорог, что тянулись местами по дну крутосклонных саев¹, издавна устраивались воровские засады. Лихие люди могли прыгнуть на грудь всаднику прямо из бокового оврага, густо заросшего тугаем, или выскочить из-за крутого скрытого поворота, – одинокий путник рисковал попасть в руки разбойников.

За два предыдущих дня подросток, отучившийся год в медресе, вконец истомился в неспешной степной езде, и теперь

¹ Са́й – размытый потоками воды глубокий овраг.

был рад, что смог заставить взрослых джигитов, сопровождавших его, двигаться как можно быстрее. Уловка удалась, и мальчик решил продолжать свое – скакать впереди, вынуждая сопровождающих подтягиваться за ним.

Старшие спутники, вновь отставшие, вслух выражали недовольство, бок о бок на рысях следуя за ним.

– Обычно дети знают страх, о Аллах... – ворчал Байтас. – А этот...

– Видать, весь в отца, – подхватил Жумабай. – Настоящий волчонок, сын матерого волка... Зубки показывает. Дает нам знать, кто он такой. Придется догонять его... Эй, Байтас, за мной! Не отставай!

Оба дружно сорвались с места в карьер, настегивая лошадей, словно пускаясь в большую байгу, длинную скачку, и то один вырывался вперед, то другой, криками и ударами подгоняя своих могучих коней. Под Байтасом шел ровной, стремительной иноходью чалый жеребец с темной гривой и хвостом, известный на байгах скакун, принадлежащий ага-султану Кунанбаю. Жумабай был на светло-сером, почти белом с млечной голубизною, крупном коне по кличке Найманкок, который также принадлежал Кунанбаю, отцу мальчика.

На скачках эти знаменитые жеребцы всегда соперничали – и на этот раз чалый иноходец и серый Найманкок рвались вперед, люто косясь друг на друга. Каждый жаждал первенства: «Я впереди!» – «Нет, я впереди!» – и, попеременно сменяя друг друга, то один, то другой оказывался головным. Упорствуя, свирепея в неистовом соревновании, они настроились на долгую скачку. Отбрасывали назад один холмистый увал за другим, птицей взмывали вверх по пологому склону, затем перемахивали вершину и стремительно обрушивались вниз. На одном из перевалов, на самом крутом выгибе холма, черногривый иноходец Байтаса, опередивший соперника на расстояние от двери до тора¹, – первым преодолел вершину, за ним ее

¹ Тор – почетное место в юрте, расположенное у стены напротив входа.

перелетел светло-серый Найманкок – и всадники сверху не увидели скачущего мальчика. На всем пространстве широкой седловины меж увалами и на вершине предстоящего холма – нигде не было видно темной черточки маленького отважного всадника, перед ними был безлюдный простор. Всадники, не удерживая своих лошадей, метнулись по склону вниз.

И тут Жумабай, приотставший от Байтаса, услышал позади себя, за левым плечом, частый нагоняющий дробный топот копыт скачущей лошади. Звуки исходили со стороны Есембаевского оврага.

– У, проклятые! Никак барымтачи! Малого перехватили, теперь и нас подстерегли! – пробормотав это, Жумабай погнал коня, нещадно нахлестывая его; низко нагнувшись, свернув голову к плечу, испуганно оглядывался назад.

– Не глядеть! Глаза зажмурь! – гнусавым голосом, словно некий демон, приспешник Азраилов, взвыл нападавший, уже почти настигнув Жоргу-Жумабая, уже наезжая на него конем. Ни коня, ни самого всадника он не смог распознать, – голова разбойника была обвязана платком. Так они и делают, эти лихие люди, чтобы никто не мог узнать их при дневном разбое. Жумабай беспомощно заозирался и увидел, как Байтас, припав к гриве коня, не оглядываясь, стремительно удаляется в сторону. Придется Жумабаю в одиночку иметь дело с разбойниками.

Надо защищаться, спасти свою душу, – с этой мыслью он потянулся за шокпаром, зажатым под коленом. Но, собираясь выхватить дубинку, Жумабай со страхом подумал, что ведь и его могут запросто огреть палкой по затылку. Пока он это соображал, противник, словно угадав его нерешительность, перехватил крепкой рукою шокпар и, тесня своим конем светло-серого Найманкока, вдруг изловчился и натянул Жумабаю на глаза его большой черный тымак. Вмиг став беспомощным, ослабев духом, ослепнув под натянутой до самого носа лохматой шапкой, Жорга-Жумабай позволил противнику вырвать у него шокпар.

А Найманкок, словно наткнувшись на преграду, вдруг резко остановился и стал на месте как вкопанный. Тогда Жумабай, осторожно выпрямившись, сдвинул с глаз шапку-тымак – и увидел, что перед его иноходцем сидит на своем коне школяр, держит в руке отнятый шокпар и, покачиваясь в седле, закатывается беззвучным смехом. Это был Абай – истинный волчонок, сын матерого волка, – так называл мальчика сам Жорга-Жумабай... Ему было стыдно, досадно, что его смог до полусмерти напугать этот кунанбаевский волчонок.

– Ты, сынок, дурную придумал шутку, – пробурчал Жумабай. – Здесь проклятое место, настоящее волчье логово... А тебе всё забава...

Абай развеселился, что нагнал страху на взрослого джигита. Но мальчик понимал, что ему весело, а Жумабаю-то досадно, поэтому перестал смеяться. Склонив смуглое румяное лицо, опустил глаза, однако не в силах не улыбаться, – он начал выворачивать свою лисью шапочку-борик. Эту шапку и верхний чапан он вывернул наизнанку, чтобы выглядеть, как ему представлялось, настоящим разбойником-камчигером, а в довершение образа он обвязал рот и нос красным платком и гнусавым измененным голосом выкрикивал воровские угрозы.

Подскакивая в седле, громко хохоча, приближался к ним возвратившийся назад Байтас. Он не подавал виду, что тоже испугался, и, понимая досаду и гнев Жумабая, желал все свести к шутке, поэтому и смеялся еще издали, на подходе.

– Только посмотрите! Он даже лысинку своему саврасому замазал!

Это теперь и Жумабай заметил: белая звездочка во лбу коня была замазана сырой глиной. Жорга-Жумабай был человек самолюбивый. Ему не хотелось выставить себя на посмеище. Поэтому и он решил все свести к шутке. Заговорил насмешливым голосом:

– Надо же, весь в породу отцовскую выдался! Послушать только, как воют эти Керей и Уаки, – мол, тобыктинцы воры,

тобыктинцы грабители! И что же? Даже такой сосунок из рода Тобыкты – и тот знает воровские повадки. Выходит, не зря воют Керей и Уаки.

Сказав это, Жумабай и сам рассмеялся наконец...

Абаю не было известно, по каким делам ездил в город Жумабай. Из того, что немногословно сообщил певец Байтас, он понял только, что выполнялось какое-то важное поручение Кунанбая. Мальчик и раньше видел, каким доверием пользуется у его отца, ага-султана Кунанбая, подручный Жумабай. И если Жорга-Жумабай обидится, он может и пожаловаться отцу... И мальчик, уже смахнув с лица всякую улыбку, выровнял свою лошадь бок о бок с иноходцем Жумабая и, с самым учтивым выражением на своей румяной физиономии, молвил:

– Жумеке! Дорога длинная, ехать скучно. Не сердитесь, Жумеке, за мою шутку. Я хотел немножечко потешить вас... Извините меня.

Сказано было вежливо, скромно, со смиренным поклоном в седле.

Жумабай сразу размяк от слов мальчика. С довольным видом покосившись на него, ничего не ответил и ехал дальше молча. Байтас же, развеселившись, начал поддевать школяра, шутить с ним, словно со сверстником.

– Ну и хорош! Вот ты ловкач какой! «Извините...» Твои извинения, знаешь, на что смахивают, мальчик? Да на одну мою песенку.

*Нагрузи верблюда в поход –
Терпеливо он все несет.
Но боюсь и подумать я:
Ойке-апа как стерпит моя?¹*

Абай не все понял.

¹ Стихи здесь и далее, если не оговорено иное, даны в переводе из первого издания эпопеи «Путь Абая» на русском языке. По кн.: М. Ауэзов. Путь Абая. М.: Худ. лит., 1971. – Прим. ред.

– О чем это вы, Байтас-ага? Кто такая Ойке-апа?

– Э! Разве не знаешь Ойке-апа? На самом деле не знаешь?

– На самом деле...

– А на самом деле это моя жена. Я все прошлое лето гулял да разъезжал по аулам, пел, веселился, развлекал молодежь и юных красоток. Но, в конце концов, веселье закончилось, настало время возвращаться домой. А как возвращаться? Ведь стыдно перед бабой своей, ну что я мог сказать ей в свое оправдание? Ничего. И вот что я придумал. Решил остудить ее гнев заранее, еще издали – сочинил для нее песенку, напел ее кое-кому из своих друзей и отправил их домой к жене, за день за два до моего возвращения, чтобы они успели ее спеть Ойке-апа...

Абай с Жумабаем, ехавшие в ровном ряду с ним, внимательно слушали Байтаса, с двух сторон заглядывая в его самодовольное лицо. Смотрели, улыбаясь, с огоньком любопытства в глазах. И стар, и млад были увлечены рассказом этого красавца, степного певца-сэре, – но каждый по-своему. Жумабай вприщур поглядывал на него, с пониманием и одобрением. Абая же не терпелось услышать, чем все закончилось. Он живо представил себе и возмущенную Ойке, и прошлогоднее веселье Байтаса в кругу праздных гуляк, таких же певцов и краснобаев, как он сам. Абай не был близко знаком с известным сэре, но сейчас воспользовался его благодушным настроением и тем, что тот сам заговорил с ним как со сверстником, и осмелился спросить:

– Байтас-ага, ну и что еще напели вы тетушке Ойке, чтобы она не сердилась?

– Ну какая баба устоит, если издали прилетит к ней песенка-письмо с мольбой о прощении,... – приосанившись, улыбнулся Байтас, отвечая, скорее, не школяру, а Жорге-Жумабаю... – Вот, приехал я, а она выходит навстречу, сама привязывает коня, и все такое... – Он выпрямился в седле и горделиво повел подбородком в сторону Жумабая.

«Ну конечно... Выходит, ловко провел ее», – подумал Абай. Слушая рассказ, не заметили, как быстрая скачка по степи незаметно сошла на ровную, неторопливую езду. Но скоро мальчик опять вострепнулся, нетерпение вновь охватило его сердце, вырвалось из него и стремительно увлекло Абая вперед.

– Уа, парень, не гони! Коня запалишь! – только и успели крикнуть вдогонку взрослые. – Ускачешь один – разбойники тебя поймают! – пугали его.

Но, вырвавшись из пыльного города, наконец-то избавившись от скуки медресе, Абай неудержимо рвался к родному аулу, который был недалече, звал его. И ничего, кроме этого зова, он уже не слышал.

Да Абая и сам Есембаевский воровской угол, нагнавший страху на взрослых, и пресловутые бандиты-барымтачи ничуть не представлялись чужедальними, жуткими и враждебными. Ужасные барымтачи – это те же казахи из соседних родов, и если на вид отличаются от других, так только ветхостью бродяжнической одежды да убожеством конской сбруи. Такими они предстают в рассказах очевидцев. В руках боевые палки-соилы, вот и все оружие. Правда, отличие разбойников от прочих было в том, что ради куража и устрашения они набрасывали поверх седел своих лошадей желтые попоны. Так и называли их в народе – «те, что на желтых попонах»... Абая было не страшно, но любопытно с ними встретиться – посмотреть бы, как они выглядят на самом деле и как ведут себя во время разбойного нападения...

А что касается названий этих мест – Караульная высотка, Тайный овраг, – все они издавна были на слуху, все это были урочища Есембаевского угла, и все это были названия стоянок на путях кочевий родного аула. Обычно два раза в году, в пору весенних и осенних перекочевков, аулы Кунанбая располагались на этих стоянках и не спешили их покидать – иногда стояли, пока скотина не выедала кормовую траву в окрестностях. Вон виднеется широкая ложбина между двумя горами, вся из-

резанная оврагами и лощинками по склонам. Издали можно разглядеть пустые загоны для овечьих отар, жердевые коновязи, места, где ставили юрты, – все это знакомое, в памяти ясное. И по этому пути через Есембаевские становища год назад увозили его в город на учебу в медресе. А еще раньше на этих стоянках, во время кочевков на джайлау и возвращений к зимнику, он играл в альчики со своими сверстниками, бегал наперегонки, состязался в прыжках в длину, скакал на жеребенке. В воспоминаниях особенно милым сердцу мальчика временем, предшествовавшем его отъезду в город, были дни, проведенные им на Есембае.

И никакие конокрады-разбойники, «проклятые места», «дурной край», о чем толкуют эти взрослые джигиты, не могут смутить мальчика. Его глазам предстают невинные отлогие склоны холмов, золотистое сияние их вершин, зеленые очажки стоянок и широкая долина, через которую в плавном беге догоняют друг друга седые волны тырсы, серебристого ковыля. Взгляд его медленно скользит по просторам беспредельной степи, по знакомым, родным, радостно узнаваемым холмам и пригоркам, среди которых он увидел свет любви и о которых так сильно тосковал в разлуке. И этот прохладный, ровно и постоянно льющийся ветерок – какая радость, нега, ласковое дуновение!

Не в силах отвести взора, мальчик смотрел как зачарованный. Ему хотелось широко развести руки, нежно обнять породившую его землю, и погладить ее, и поцеловать, и тихо прошептать: «Я скучал по тебе, пусть другие что угодно говорят про тебя, но я ничего такого не скажу». Ему вовсе не надо было бояться каких-то там воров и конокрадов, потому что он любил родной край вместе со всеми его конокрадами и разбойниками.

Снова пустив лошадь в отчаянный галоп, он готов был один ускакать к родному аулу. У сопровождавших его взрослых мужчин не оставалось выбора, как только поспевать за ним.

– Оу, Жумеке! Сколько можно плестись, словно *лошыдаи-возниччи* за коляской *майыра-начандыка*¹? – воскликнул Байтас. – Чем терпеть такое унижение, дадим коням волю, Жумеке!

Выкрикнув это, Байтас с места послал своего иноходца в стремительный, ровный бег. Жумабай поневоле должен был не отставать от него.

Абай, оглянувшись, чуть придержал лошадь – и, когда все трое выровнялись в одну линию, началась непрерывная долгая скачка до самого урочища Колькайнар.

Три всадника, без отдыха скакавшие с рассвета от самого Коряка, к ранним сумеркам на взмыленных лошадях добрались до аулов Кунанбая на стоянке Колькайнар. Здесь располагалась Большая юрта бабушки Зере и родной матери Абая – досточтимой Улжан.

Колькайнар, с обилием чистой родниковой воды, но не слишком просторными пастбищами являлся лишь местом временной стоянки на пути к перевалу Чингиз. Здесь разбили свои стойбища всего три-четыре аула.

Все они назывались «аулами Кунанбая». Это и родной аул мальчика, и поселения самых близких родственников. На небольшом ровном пространстве вокруг родника тесно располагались юрты, меж ними суетливо мельтешили люди, носились блеющие ягнята – и все это тонуло в смуглом свете наступивших сумерек. Кудрявые дымы бодро взвивались над земляными очагами и, поднявшись не очень высоко, развеивались и тут же смешивались в единое голубоватое облако, мирно осенявшее вечерний аул. В его насущные хлопоты были вовлечены все – овцы и ягнята с блеянием, в спешке искали друг друга, азартно брехали собаки, протяжно и высоко звучали голоса людей, встречающих скотину. И вдруг словно

¹ «*Лошыдаи-возниччи*», «*майыр-начандык*» – Русское начальство во время наездов в степь передвигалось в конных повозках с возничим – «*лошыдаи-возниччи*». Знатные казахи, местная власть, должны были плестись на своих быстроногих аргамаках за тихоходными бричками. Начальниками уезда обычно бывали военные чиновники в звании майора, и казахи называли их одним словом – «Майыр».

громом перекрыло все эти звуки – грохот копыт огромного косяка лошадей, которых гнали на водопой, сотряс долину. Визгливое ржание и храпение кобыл, густая пыль, поднятая ими, и призывный утробный рык могучих жеребцов, наконец-то освободившихся от седла и зовущих свой табун, – грохот, голоса людей и коней, пыль – все это бурей проносилось мимо, и все это было обычной хлопотливой вечерней жизнью аула. И обо всем этом долгое время тосковал мальчик. При виде милой сердцу картины родной жизни он мгновенно переполнился радостью, замер, весь трепеща, словно остановленный на всем скаку норовистый жеребенок.

Путники свернули к юртам, расположенным ближе всего к роднику. Это был аул из пяти больших белых юрт, окруженных множеством других, серых, возле каждой дымил земляной очаг. Аулом правили две матери Абая: родная Улжан и младшая мать – токал Айгыз, третья жена Кунанбая. Всадников, которые направлялись в объезд серых юрт к белым и осторожно пробирались сквозь тесную отару яловых овец, гонимых на вечерний выпас, узнали издали. Первыми, кто их увидел, были женщины, присевшие возле своих юрт за дойкой овец. Подоткнув подолы платьев за пояс, с ведрами в руках, они стали среди дойных овец и по-бабы визгливо завопили:

– Ойба-ай! Вернулись! Наши вернулись из города!

– Это же Абай! Айналайын, это он! Пойду, мать извещу! – вскрикнула какая-то пожилая байбише и засеменила к белым юртам.

– И на самом деле Абай! Телькара¹ же это! Смуглячок-Телькара! – назвала его ласковым прозвищем, данным младшей матерью, Айгыз, какая-то женге в фартуке. – Надо обрадовать сестрицу, бисмилла! – И она кинулась вслед за старухой к Большой юрте.

¹ *Телькара* – прозвище Абая, которого воспитали и мать, и бабушка. *Тель* – сосунок, выкормленный двумя матками, *кара* – черный, смуглый.